

Современная наука и инновации.
2023. № 2(42). С. 175-180
Modern Science and Innovations.
2023; 2(42):175-180

Дмитрий Александрович Лушников
[Dmitry A. Lushnikov]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ /
POLITICAL SCIENCE

Научная статья / Original article

УДК 323.39
DOI: 10.37493/2307-910X.2023.2.19

**Стратификационный аспект формирования
образа врага: восходящий и нисходящий
векторы дегуманизации в социальной
структуре**

**The stratification aspect of the formation of
the image of the enemy: ascending and
descending vectors of dehumanization in the
social structure**

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия /
North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, keremet2000@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы дегуманизации и формирования образа врага в стратифицированном обществе. Вертикальный аспект дегуманизации предполагает расчеловечивание индивида/группы, находящихся на другом уровне социальной иерархии, поэтому данный процесс имеет восходящий и нисходящий вектор. Нисходящий вектор дегуманизации предполагает инфрагуманизацию и расчеловечивание индивидов/групп, занимающих более низкое положение в социальной структуре общества. Восходящий вектор дегуманизации предполагает инфрагуманизацию и расчеловечивание индивидов/групп, занимающих более высокое положение в социальной структуре общества.

Ключевые слова: дегуманизация, инфрагуманизация, образ врага, восходящая дегуманизация, нисходящая дегуманизация, делигитимация

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00237 «Деконструирование образа врага в современных социально-политических, этнических и этноконфессиональных конфликтах».

Для цитирования: Лушников Д. А. Стратификационный аспект формирования образа врага: восходящий и нисходящий векторы дегуманизации в социальной структуре // Современная наука и инновации. 2023. №2 (42). С. 175-180. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.2.19>

Abstract. The problems of dehumanization and the formation of the image of the enemy in a stratified society are considered. The vertical aspect of dehumanization involves the dehumanization of an individual/group located at a different level of the social hierarchy, so this process has an ascending and descending vector. The downward vector of dehumanization involves the infrahumanization and dehumanization of individuals/groups occupying a lower position in the social structure of society. The ascending vector of dehumanization implies infrahumanization and dehumanization of individuals/groups occupying a higher position in the social structure of society.

Key words: dehumanization, infrahumanization, image of the enemy, ascending dehumanization, descending dehumanization, deligitimation

Funding: The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 20-011-00237 "Deconstructing the image of the enemy in modern socio-political, ethnic and ethno-confessional conflicts".

For citation: Lushnikov D. A. The stratification aspect of the formation of the image of the enemy: ascending and descending vectors of dehumanization in the social structure. *Modern Science and Innovations*. 2023;2(42):175-180. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.2.19>

Расчеловечивание/дегуманизация в социальной структуре соответствует иерархической морфологии общества и являет как вертикальный, так и горизонтальный аспекты. На горизонтальном уровне находятся коллективные и индивидуальные акторы, равные по статусу, здесь мы сталкиваемся с механизмом инфрагуманизации, склонностью рассматривать аутгруппы как менее высокоранговые и уступающие в когнитивно-интеллектуальном, ценностно-нормативном, физическом и эстетическом аспектах. «Инфрагуманизация» (англ. «*infrahumanization*») – понятие, введённое в научную лексику Ж.-Ф. Лейнсом и обозначающее установку индивида на восприятие ингруппы как «человеческой», а аутгруппы как «нечеловеческой» [1]. Данное различие опять же основано на генетических программах внутривидовой дифференциации и групповой идентификации, позволяющих отрицать человечность оппонентов в межгрупповых конфликтах. Но в своем повседневном действии инфрагуманизация представляет собой естественную установку на завышение качеств ингруппы и мягкую бессознательную стигматизацию аутгрупп. К примеру, М.Ж. Пачилли, М. Роккато, С. Паглиаро и С. Руссо установили положительную корреляцию между внутригрупповой идентификацией и аутгрупповой дегуманизацией, опосредованную моральной дистанцией между ингруппой и дегуманизируемой аутгруппой [2, с. 365]. Инфрагуманизация выступает в качестве группового аспекта и измерения других механизмов конструирования образа врага: анималистической, механической и inferнальной дегуманизации, морального исключения и делигитимации.

Хотя ингруппа индивида и те группы, куда он не входит и с которыми себя не идентифицирует (аутгруппы) в случае горизонтальной дегуманизации располагаются на одном уровне социальной иерархии, инфрагуманизация автоматически выстраивает отношения вертикального неравенства. Следовательно, редуцируя отношения «индивид-группа» на интерактивное взаимодействие «индивид-индивид», можно констатировать биологические основания инфрагуманизации как установки на перцепцию и интерпретацию другого как менее статусного члена малой группы.

В ситуации горизонтального интерактивного взаимодействия редукция инфрагуманизации предполагает понижение социального статуса другого или его личного статуса. Естественно, что в случае очевидной равенности социальных статусов, акцент будет переноситься на неравенство личных статусов, формулируемое в критериях физического, возрастного, когнитивно-интеллектуального и этического неравенства и различия.

Вертикальный аспект дегуманизации предполагает расчеловечивание индивида/группы, находящихся на другом уровне социальной иерархии, поэтому данный процесс, подобно вертикальной мобильности П.А. Сорокина, имеет восходящий и нисходящий вектор. Нисходящий вектор дегуманизации предполагает инфрагуманизацию и расчеловечивание индивидов/групп, занимающих более низкое положение в социальной структуре общества. Здесь мы обнаружим богатый тезаурус лингвистической стигматизации и расчеловечивания подчиненных и эксплуатируемых групп в стратифицированных обществах (обозначение рабов как «тел» в античном обществе обнаруживает параллель на другом витке исторического развития, в «душах» крепостных крестьян феодальной России). Нисходящий вектор дегуманизации у более высокоранговых групп подкрепляется легитимациями их господства, завышающими их социальные качества и инфрагуманизирующие качества нижестоящих и подчиненных.

Дифференциация «город – село» и противопоставление враг-крестьянин против врага-горожанина затрагивает проблематику внутренних конфликтов и гражданских войн в различных типах стратификационных систем: рабовладельческой, феодальной, кастовой и классовой. Поэтому один существенных аспектов противопоставлений скотовод vs. земледelec, село vs. город связывает физические и социально-экономические различия между высшими и низшими социальными классами в рамках одного общества.

Общим явлением в досуге знати со времен раннеземледельческих цивилизаций до настоящего времени являются различные виды охоты. Охота относится к архаичному

способу хозяйствования, основному для человечества во времена палеолита и мезолита до эпохи неолитического кризиса и неолитической революции. Именно неолитическая революция привела к социальному расслоению и появлению стратифицированных обществ, но знать в этих обществах продолжала увлекаться охотой. Обладание охотничьими угодьями или же контроль над ними являлся ярким выражением сословных привилегий.

Охота отражала и закрепляла военный кавалеризм аристократии. Знать воевала верхом или на колесницах: охота фараонов Древнего Египта на гепардов или ассирийский царей на львов также велась на колесницах, а европейских феодалов со средневековья до недавнего времени – верхом. Поэтому охота готовила знать к войне (равно как и к подавлению восстаний низших сословий/каст/классов), а в мирное время «держала в тонусе» использования основного средства передвижения в условиях военных действий. Это был архаичный вид досуга, но он имел и вполне практические функции.

Аристократы-кавалеристы в кольчужных или латных доспехах против пеших крестьян, таков лейтмотив крестьянских восстаний не только в Европе и России. Это инсценировка и инвариант налета кочевников на земледельцев. Истребление восставших, ловля убегающих от синьора крепостных, это тоже охота. Знать-охотник, знать-скотовод, а крепостные подданные – скот. Стратификационные различия по метафорической линии скотовод vs. земледелец закреплялись в том числе и в языке. Так польское «быдло» в коннотации «домашний скот», применительно к крепостным крестьянам, было заимствовано в украинский язык, а потом стало распространенным обозначением представителей низших сословий и в русской дворянской культуре.

Церковь как добродетельный пастырь пасет «агнцев божиих», ее покровительство и служение преисполнено душеспасительного и гуманистического пафоса. Помещики же пасут и используют крепостных крестьян как «скот», как одушевленное, то есть живое, но имущество – «души» (заметим, что данное отношение приводится с позиции «идеального типа» жесткой крепостнической системы).

Стратификационные, в том числе сословные различия аристократ – простолюдин в этнографии (антропологии, социальной антропологии и антропогеографии) кон. XIX – нач. XX веков рассматривались и через различия в физическом облике. Поэтому низшие сословия и классы получали «научно доказанную» физическую и социальную стигмы, которые соответствовали происхождению, внешним чертам, кинесике, жестике, мимике, языку и речи простонародья. В данной связи приведем ряд типичных и интересных примеров из работы популярного русского этнографа В.А. Мошков «Новая теория происхождения человека и его вырождения»:

«...То же наблюдается и между африканскими рангами: «Придворные дамы высоки и элегантны; их кожа гладка и прозрачна; их красота жизненна и долговечна. Девушки средних классов часто также красивы, но в большинстве случаев малы ростом, грубы и скоро отцветают; в низших классах редко можно встретить красивую наружность; мы находим там фигуры согнутые, малорослые, иногда почти уродливые».

...О различиях во внешности между высшими и низшими сословиями в Западной Европе есть также немало свидетельств в литературе. ...французское дворянство дает всегда самый большой процент блондинов, мещанство – меньший, а сельское простонародье – наименьший.

...В Ирландии, судя по описанию Ранке, бедняки в голодных округах отличаются «вздутыми губами, обнаженными деснами, выдающимися скулами, вдавленным носом, толстыми животами и кривыми ногами». Карл Фогт добавляет к этому описанию, что такой же наружностью обладают бедняки и повсюду в Европе.

...Ляпуж указывает так называемый «закон расслоения общества», по которому у высших (образованных) классов длинноголовость сильнее, чем у низших и процент длинноголовых среди первых больше, чем среди последних.

...Высшие сословия в Европе сверх того отличаются от низших еще тем, что развиваются физически и созревают в половом отношении раньше низших. Ломброзо

указывает, что максимальное развитие роста у «богатых» девушек бывает в возрасте 12-14 лет, а у «бедных» в 13-15 лет.

...Так, по словам Герберта Спенсера, люди профессиональных классов здесь «выше ростом и плотнее, чем рабочие». Средний рост мужчин высших классов 1,757 м., а рабочих 1,705. А по Дарвину, «руки английских рабочих уже при рождении больше, чем у представителей среднего сословия (Gentry)».

...Словом, между высшими сословиями Европы и низшими наблюдается такое большое антропологическое различие, что Деникер находит возможность допустить преобладание в среде европейской аристократии другой расы, чем в рабочем сословии» [3].

Как мы видим, в этнографии XIX – нач. XX веков были популярны расологические идеи, которые легитимировали социальное неравенство как неравенство расово-антропологическое, культурное и интеллектуально-когнитивное. Простолудин приравнивался к «примитивному человеку», «дикарю», находящемуся на более ранней стадии социальной и культурной эволюции, нежели представители высших и даже средних слоев. К примеру, низшим в социальные иерархии сословиям и группам того же цивилизованного европейского общества приписывались такие же качества, как далеким аборигенам, живущим на уровне неолита. Аппроксимация данного объекта в рамках эволюционистской формулы «онтогенез повторяет филогенез» подводила ученых к идее «детской неразвитости», нелогичности, пралогичности (Л. Леви-Брюль) сознания и мышления низших сословий и классов.

Подобные представления были распространены не только в обществах сословных и классовых, но и в обществах с таким типом стратификационной системы, как кастовая. Луи Жаколио так описывает отношение к париям в индийском обществе: «В лесах Малабарского берега встречаются племена, которые считаются далеко ниже диких зверей, разделяющих с ними эти дикие пространства. ...Глубоко укоренившиеся понятия и нравы населения установили на парию взгляд как на нечистое животное и ставят решительную преграду всяким попыткам их нравственного возрождения. ...пария считается человеком только по своему зоологическому облику и по имени» [4].

Стоит отметить, что у европейской аристократии в XIX – пер. пол. XX века нашелся ученик в виде нового победившего класса – буржуазии. Н. Элиас, рассматривая взаимоотношения немецкого двора, буржуа и интеллигенции, говорит о том, что «...имелось старое орудие, использовавшееся для ограничения немецкого дворянства от других слоев, – проверка родословной (впоследствии это орудие, будучи буржуазно переработанным, получило новую жизнь в немецком расовом законодательстве)» [5, с. 92].

Как мы видим, сословная стратификация в ситуации внутренних конфликтов и гражданских войн порождала социального врага-недочеловека в виде низших сословий. Подобно своим предшественникам на вершине социальной иерархии, европейская буржуазия трансформировала легитимацию своего статуса в расологические воззрения, где унтерменшами выступали не столько социальные низы, представители рабочего класса и люмпен-пролетариата, сколько другие этносы и люди с психическими и физическими отклонениями.

Барьеры социальной мобильности, использовавшиеся аристократией, были воспроизведены на иной программе «свой-чужой», включавшей расовый принцип дифференциации и идентификации. К примеру, делегитимизировался такой внутренний конкурент как еврейская буржуазия, а неевропейские этносы и государства легитимировались как законные цели колониальной экспансии.

У немецких бюргеров в XVIII-XIX веках бытовала поговорка: «Близко ко двору – близко к преисподней». Она являет собой не только хорошую иллюстрацию демонизации (инфернальной дегуманизации) определенной социальной общности, но и показывает обратную перспективу вертикальной дегуманизации – расчеловечивания высших низшими.

Восходящий вектор дегуманизации предполагает инфрагуманизацию и расчеловечивание индивидов/групп, занимающих более высокое положение в социальной

структуре общества. Это в социальном плане даже более сложный вектор и способ дегуманизации, поскольку обладание более низким социальным статусом, меньшими правами и привилегиями, является более уязвимой позицией для легитимации социального положения и качеств индивида/группы. Поскольку более высоко-ранговые индивиды/группы изначально находятся в более выгодном положении – они подкрепляют свои легитимации реальной разницей в статусе.

Нарративы восходящей дегуманизации строятся на рефлексии, ревизии, критике и отрицании существующей социальной структуры и легитимаций положения господствующих групп. Они признаются не соответствующими своему вышестоящему положению по причинам утраты необходимых для этого качеств и несоответствия функциональным обязанностям. Этот дискурс формируется в терминах неготовности власти к изменениям, коррупции, отличающихся от большинства народа ценностей, интересов и целей и т.п.

В ситуации информационной войны, связанной с проведением СВО на Украине, одна из задач пропагандистов с обеих сторон – вызвать внутренний конфликт в обществе, связанный с негативной оценкой роли военного, политического руководства, степени вовлеченности крупного бизнеса в помощь армии и обществу. В качестве инварианта западными специалистами по информационным войнам и психологическим операциям была взята модель и механизм пропаганды времен Первой мировой войны (поскольку она оказалась успешной и разворачивалась в сходных условиях сочетания военных действий, неотмобилизованной экономики, не готового к затяжному противостоянию общества и т.д.).

Данный механизм активировался пошагово и предполагал постепенное изменение отношения ко всей властной вертикали и делегитимизацию правящей элиты.

1. Военные неудачи («генералы предали!»), приводили к критике военного руководства («в Генштабе немецкие шпионы!») и всей политико-бюрократической системы («власть предает!»). Цель – добиться раскола и конфликта в военной элите, усиления борьбы за власть и потери единоначалия и управляемости военными действиями.

2. Крупный бизнес обвинен в отсутствии патриотизма, компрадорстве и коррупции.

3. Далее акцент переносился на ближнее окружение первого лица: высших приближенных чиновников, членов императорского дома, членов семьи и приближенных к ним лиц («бояре плохие», «царица – немецкая шпионка» и т.д.).

4. Уже потом удар направлялся на первое лицо, сначала к нему взывали с просьбами навести порядок, потом начиналась критика и уже после – прямые обвинения («царь не настоящий»).

Общий лейтмотив восходящей дегуманизации – констатация деволюции правящих слоев, элит и групп. Напомним, что деволюция интерпретируется как комплекс изменений (модификаций), снижающий адаптивный потенциал вида или ведущих к более старым (регрессивным) филогенетическим формам. Данный аспект интерпретируется в категориях вырождения или злокачественного перерождения элит. Вырождение проявляется в потомстве элитариев, неспособном по интеллектуальным и личностно-волевым качествам к исполнению традиционных функций и ответам на новые внешние вызовы. Злокачественное перерождение формулируется в категориях отхода от общенародных целей и замыкании на собственных узкоклассовых интересах и при этом блокировании социальных лифтов. То есть правящая элита пытается остановить процесс «циркуляции элит» (В. Парето) и сохранить свои позиции в системе за счет препятствования социальной мобильности (то, что в социологии называется «социальная клаузула»). Она становится слишком уж «классом для себя» по К. Марксу. Погрязший в собственных пороках и морально деградировавший представитель элиты и его «чахлое неспособное потомство» в случае восходящей дегуманизации являются своеобразными «унтерменшами наоборот».

Но подобный взгляд возможен для устоявшихся элит, имеющих длительную историю господства в том или ином обществе. А на относительно недавно сформированные элиты и социальные слои может распространяться мнение об их изначально низком качестве и

нарушении принципа справедливости при селекции и восходящей мобильности данных индивидов, категорий и групп. К примеру, часть современного российского общества считает несправедливой итоги приватизации 1990-х годов, приведшей к появлению нового класса крупных собственников. Его представители рассматриваются как результат отрицательного отбора и коррупционного несправедливого перераспределения народной собственности. Отсюда обилие в верхних слоях представителей организованных преступных сообществ и разнообразных выскочек и проходимцев, незаслуженно возвысившихся парвеню. Бурный процесс первоначального накопления капитала (еще не окончившийся в России) опережал процессы легитимизации положения формирующегося высшего класса и элитных групп. Это определяло и определяет основания для делегитимации их положения со стороны нелояльных более низкоранговых слоев, категорий и групп и специфику восходящей дегуманизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leyens J.-P., Demoulin S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of group differences // *Social Issues and Policy Review*. 2007. No. 1 (1). P. 139-172.
2. Pacilli M. G., Roccato M., Pagliaro S., Russo S. From political opponents to enemies? The role of perceived moral distance in the animalistic dehumanization of the political outgroup // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2016. Vol. 19. No. 3. P. 360-373.
3. Мошков В. А. Новая теория происхождения человека и его вырождения. Составлена по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики. Варшава. Печатано в типографии губернского правления. 1907. 24 с.
4. Жаколио Л. Парии человечества. *Le Pariah dans l'Humanité*. 1876.
5. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.

REFERENCES

1. Leyens J.-P., Demoulin S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of group differences // *Social Issues and Policy Review*. 2007. No. 1 (1). P. 139-172.
2. Pacilli M. G., Roccato M., Pagliaro S., Russo S. From political opponents to enemies? The role of perceived moral distance in the animalistic dehumanization of the political outgroup // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2016. Vol. 19. No. 3. P. 360-373.
3. Moshkov V. A. A new theory of the origin of man and his degeneration. Compiled from zoology, geology, archaeology, anthropology, ethnography, history and statistics. Warsaw. Printed in the printing house of the provincial government. 1907. 24 p.
4. Zhakolio L. Parii nauda. *Le Pariah dans l'Humanité*. 1876.
5. Elias N. On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. Volume 1. Changes in the behavior of the upper stratum of the laity in Western countries. M.; SPb: Universitetskaya kniga, 2001. 332 p.

ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Лушников Дмитрий Александрович, доктор социологических наук, профессор, Заведующий кафедрой социологии, Северо-Кавказский федеральный университет, тел.: 89034171100, keremet2000@mail.ru

Lushnikov Dmitry Alexandrovich, doctor of sociological sciences, professor, Head of the Department of Sociology, North-Caucasus Federal University, tel.: 89034171100 keremet2000@mail.ru

Дата поступления в редакцию: 07.04.2023

После рецензирования: 22.04.2023

Дата принятия к публикации: 03.06.2023